

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	8
<i>Предисловие</i>	19
<i>Глава 1. Век тревоги</i>	22
<i>Глава 2. Боль и время</i>	41
<i>Глава 3. Великий поток</i>	53
<i>Глава 4. Мудрость тела</i>	72
<i>Глава 5. Об осознанности</i>	95
<i>Глава 6. Чудо момента</i>	110
<i>Глава 7. Трансформация мировосприятия</i>	130
<i>Глава 8. Творческая мораль</i>	147
<i>Глава 9. Пересмотр религии</i>	166
<i>Об авторе</i>	189

Магистр религиоведения и доктор богословия Алан Уилсон Уотс лучше всего запомнился читателям как толкователь дзэн-буддизма, в частности, и индийской и китайской философии в целом. Оставшись в стороне от межконфессиональных диспутов, он заслужил репутацию одного из самых оригинальных и «незаезженных» философов XX века. Уотс написал около двадцати книг по философии и психологии религии, которые были переведены на множество языков, в том числе бестселлер «*Путь дзэн*». Страстный лектор, Уотс регулярно выступал на радио, а в 1960-х годах был ведущим телевизионной программы «Восточная мудрость и современная жизнь». Умер в 1973 году.

ВВЕДЕНИЕ

Дипак Чопра

Каждая книга — это путешествие. Но эта книга ведет во все места сразу и в то же время не ведет никуда. Начинается она с освещения проблемы тревожности, о которой люди предпочитают не задумываться. Затем автор пробивает брешь в общепринятых убеждениях, с подчеркнутой непочтительностью и дерзким сарказмом обращаясь с самыми сложными, а для многих и священными темами. В довершение всего, будто бы для того, чтобы окончательно выбить читателя из колеи, Алан Уотс предлагает следующий парадокс: чувство уязвимости есть одновременно и признак нездоровья души, и окно, ведущее в невидимую реальность — то единственное место, где можно по-настоящему исцелиться от страха и уязвимости.

Несмотря на все эти кажущиеся недостатки, «Мудрость уязвимости», изданная в 1951 году, немедленно обрела множество восхищенных последователей, и я горжусь быть одним из них.

Будучи как раз в том возрасте, когда Алан Уотс опубликовал эту книгу (то есть около тридцати пяти лет), я почувствовал, что настало время внести коррективы в тот курс, которому следо-

вала моя жизнь. И в Алане Уотсе я нашел лучшего из возможных проводников. Он помог мне отвернуться от материализма и его пустых обещаний. Новый курс вел меня на самую зыбкую и эфемерную почву из всех возможных — в «здесь и сейчас». Только здесь и сейчас, заявляет Уотс, можно постичь опыт реальности во всей его полноте, по-настоящему стать частью этой вселенной. «Если счастье оказывается в вечной зависимости от будущих событий, получается, что мы гонимся за блуждающим огоньком, ухватить который невозможно. И продолжается эта погоня до тех пор, пока пресловутое будущее, и мы вместе с ним, не провалится и не растворится в бездне под названием “смерть”». Очень типичное для Уотса заявление, крайне амбициозное, предлагающее выход, за который нужно заплатить отказом от всего, что дорого читателю. В послевоенной Америке вся жизнь крутилась вокруг прогресса и была сосредоточена на ослепительном блеске завтрашнего дня. Куда мы направлялись? Сначала к Луне, а затем и к звездам. Чего могли достичь? Всего, что угодно. Что принесет нам успех? Огромные богатства и безграничные удовольствия, которые никто и никогда не сможет у нас отнять. И тут появляется Уотс, назойливый слепень, который заставил нас пробудиться от этого сна. Прогресс оказался фальшивой подделкой, а мечты о прекрасном завтрашнем дне — попыткой убежать от боли, которой мы страшимся сегодня. То, что сегодня

повсеместно называют «силой момента Сейчас», было описано Уотсом полвека назад.

Сегодня, оглядываясь назад, мы видим, что Уотс был одним из самых выдающихся энциклопедистов своего времени. Он в огромных количествах поглощал труды, посвященные философским, религиозным и научным вопросам. Жадно впитывающая губка с сотней щупалец. Эта небольшая книга была опубликована в 1951 году, в поворотный для Уотса момент его жизни. Он только что развелся с молодой женой и, как следствие, вынужден был отказаться от дела, которое считал своим истинным призванием, — от сана англиканского священника. К тому времени Уотс уже много лет изучал дзэн-буддизм. За годы, проведенные в семинарии, он пытался отыскать способы слить воедино западный мистицизм и восточный. И вот, оказавшись на пороге зрелости, в полном соответствии с канонами, он готов был обрести свое истинное «я». Вот только сделать это он собирался весьма необычным способом, заявив для начала, что никакого «я» не существует. Вечное счастье, поискам которого были так или иначе посвящены все его предыдущие многочисленные труды, достижимо лишь после отказа от своего эго. Оно в любом случае не более чем иллюзия. Эго упрямо отталкивает реальность. Из пустых ожиданий оно создает несуществующее будущее; из воспоминаний, полных сожаления, создает тоже несуществующее прошлое. Как Уотс формулирует в своей живой,

обманчиво простой манере, «завтра и планы на завтра не имеют совершенно никакого смысла, если только вы не находитесь в полноценном контакте с реальностью настоящего момента. Ведь живете вы в настоящем, и только в настоящем». Высказывание, достойное хорошего священника: экспрессивное и оставляет ощущение, что говорящий связан с некой высшей правдой. Но само послание слишком резкое и бесцеремонное, чтобы его можно было озвучить с кафедры англиканской церкви. Представьте себе верующего христианина, лелеющего мысль о рае и втором пришествии Христа, который слышит слова: «Нет иной реальности, кроме реальности настоящего момента. Поэтому, даже если представить, что человек живет вечно, жить ради будущего означает безнадежно и навсегда упустить самую суть жизни». Меткими и сильными ударами Уотс вдребезги разбивает мечты о жизни после смерти и надежду на переход в лучший мир.

На тот момент Уотс говорил в пустыне. Экцентричный подход к истории западной мысли был приемлем скорее в среде его соотечественников, англичан. Тесные связи с Индией и Китаем привели к тому, что в Англии регулярно появлялись мыслители, пытавшиеся проникнуть в философию веданты и буддизма глубже, чем обычные колонизаторы с узким кругозором. В Америке все было по-другому. Никто не хотел слушать выскочку, который вообразил себя сказочным дудочником и собирался пове-

ПРЕДИСЛОВИЕ

Меня всегда завораживал закон обратного усилия. Иногда я называю его просто «законом обратного». Когда вы стараетесь удержаться на поверхности воды, вы тонете; но если вы специально пытаетесь утонуть, то вода вас выбрасывает. Если вам хочется затаить дыхание, вы начинаете пыхтеть, и все это для меня ассоциируется с несправедливо забытым высказыванием «кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее» (Матф. 16:25).

Настоящая книга посвящена изучению этого закона применительно к тому, как человек ищет психологической безопасности, как он пытается обрести неизменные духовные и интеллектуальные истины, прибегая к религии и философии. Пишу это в полном убеждении, что сейчас самое подходящее время для поисков ответов на такие вопросы, — именно сейчас, когда человеческая жизнь кажется особенно непредсказуемой и полной опасностей. Я попробую доказать, что эта уязвимость — прямое следствие попыток стать неуязвимым и что единственный способ «спастись», сохранить здравый рассудок заключается в безоговорочном признании невозможности такого спасения.

ВЕК ТРЕВОГИ

Давайте попробуем взглянуть на человеческую жизнь отстраненно. Она — не более чем короткая вспышка, разрезающая ткань безграничной тьмы, которая в обе стороны уходит в бесконечность. И даже эта короткая вспышка отнюдь не похожа на безоблачный день. Чем более мы восприимчивы к счастью, тем более восприимчивы к боли. Боль, физическая и душевная, сопровождает нас от рождения до смерти. Поэтому мы привыкли думать, что жизнь — нечто большее, чем кажется на первый взгляд, что после смерти нас ждет иное, лучшее будущее. Ведь если жизнь является именно тем, чем кажется на первый взгляд, в ней нет ни малейшего смысла. Если жизнь должна окончиться болью, сожалениями об утраченном и превращением в ничто, не слишком ли это жестокий и бессмысленный опыт для нас, рожденных, чтобы мыслить, надеяться, творить и любить? Человек, существо осмысленное, хочет, чтобы и жизнь имела смысл. А его довольно сложно отыскать, если воспринимать жизнь такой, какая она есть, не приписывая ей скрытый «высший порядок» и не прибавляя к ней вечное посмертное существование, которое уравновешивало бы столь